

© 1994 г.

Р.П. ШПАКОВА

МАКС ВЕБЕР В ВЕНЕ

ШПАКОВА Римма Павловна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Наш постоянный автор.

В Вену меня привели дела: предстояли встречи — серьезные и не очень, беседы с коллегами и добрыми знакомыми. Одна мысль не давала покоя: весной 1918 г. в местном университете лекции по социологии религии читал сам Макс Вебер. Этот период его деятельности изучен мало. А время было интересное: шла война, возникали новые государства, появлялись новые идеи.

Как и во времена Пушкина, мы ленивы и нелюбопытны. Безразличие к чужой жизни не позволяет наладить и свою, а отдельные похвалы чужим порядкам не меняют общей картины. Кроме того, Венский университет, подобно самой Австрии, воспринимается нами как «слепое пятно» на европейской карте, это «где-то в Европе», но не в странах-лидерах — Германии, Франции, Англии, и потому не особенно интересно.

Однако именно Венский университет дал миру восемь (!) Нобелевских лауреатов. Австрийцы хорошо знают имя физика Эрвина Шрёдингера и других выдающихся ученых. А главное — уважительно и почтительно относятся, видя в них достояние нации.

В 1990 г. Венский университет отметил свое 625-летие. Он был и остается активной органичной частью европейской культуры и вместе с тем не отделим от истории страны, от феномена «австрийство», хотя данное понятие, как показывают дискуссии, и не отличается научной строгостью. Пресная и аморфная категория «социальная общность», отнесенная к Австрии наполняется жизненной силой, блеском и упругостью. Ирония, игра, театральность придают ей энергию и очарование. Даже в период аншлюса ирония и юмор служили австрийцам «защитным зонтиком», гарантией сохранения достоинства.

Когда Адольф Гитлер только начинал свою политическую карьеру, Вена легко и беспощадно высмеяла его претензии, чересчур плоские и излишне серьезные. Это, считает видный австрийский публицист и философ В. Крауз, стало причиной отъезда Гитлера в Германию [1, S. 55].

Вена притягивала Макса Вебера давно. И когда осенью 1917 г. он получил приглашение занять вакантную должность, то согласился, хотя состояние здоровья не способствовало переезду, да и в Германии оставалась масса дел.

В Вене он бывал и прежде, имел знакомых в научных кругах, среди политических деятелей журналистов. В Национальном рукописном архиве мне удалось найти ранее неизвестное письмо Вебера к одному из них - Антону Беттельхайму, венскому писателю и Вебер приехал в Вену в апреле 1918 г. Шла война. Вопреки расхожей фразе «у пролетария нет Отечества», венцы всех сословий и групп защищали свой дом, свои традиции свою Австрию. Об этом еще в 1915 г. писал Э. Бернштейн в журнале «Архив социальной науки и социальной политики», основанном М. Вебером совместно с В. Зомбартом и Э.Яффе [2].

В тот период руководство Венского университета было озабочено качеством преподавания, сохранением и укреплением лучших сил. В здании университета располагался госпиталь. Раненым были отданы актовЫй и еще несколько парадных залов. Нехватка помещений для занятий стала постоянной «головной болью» университетского Сената. Но для Вебера нашлись и аудитория (Ms 22, ныне не существующая), и деньги, которые, к сожалению, никогда не поступали вовремя.

Даже в такое трудное время университет ежегодно выпускал справочник с перечнем всех членов Сената, преподавателей каждого из четырех факультетов (с указанием их академических званий и наград) и всего обслуживающего персонала — библиотекарей, лаборантов, клерков и дворников. Списки открывались почтительным перечислением ученых, которые составляли гордость университета и австрийской науки, но по возрасту отошли от активной деятельности. Несколько лет список возглавлял профессор Карл Менгер, глава австрийской национал-экономики [См. 3, 4].

Макс Вебер хорошо знал труды К. Менгера, а также работы других австрийских экономистов. В лекционной программе «Основания общей (теоретической) национал-экономики», составленной в 1898 г., в списке рекомендованной литературы Вебер указывает сочинения Менгера «Исследования методов социальных наук» (1883) и «Основы учения о народном хозяйстве» (1871) [5,6]. В этой же программе можно встретить имена австрийцев Э. Бем-Баверка и О. Нейрата.

Вебер и Менгер принципиально расходились во взглядах на методологию социального знания. Это касалось общих законов национал-экономики и всей социальной сферы. Данное расхождение стало фокусом «первого методологического спора», в котором Вебер и Менгер занимали полярные позиции.

А чем занимался Сенат университета в период пребывания здесь Вебера? Документы фиксируют тематику заседаний: новое строительство для университета, инвестиции, кредиты для научных работ. Вот перечень проблем одного из заседаний: вышеперечисленное, а также «представление о выделении средств на форменную одежду для академических служащих, содержание библиотеки, денег на похороны и памятники погибшим и недавно усопшим коллегам, на премирование за научные достижения». Отдельным пунктом предписано выделить мыло и свечи для философского факультета [5, S. 66—67].

Среди постоянных лекторов имени Вебера не было, а многие документы архива сгорели в последнюю войну. С большим трудом удалось разыскать справочник «Публичные лекции в Венском университете в летнем семестре 1918 г.» [4]. Прежде такой том имел каждый университетский привратник, а теперь это редкость даже для архива. Профессор Макс Вебер значится там лектором факультета правовых и государственных наук и отнесен к секции «Национал-экономика и политика народного хозяйства». Обозначен и характер его деятельности: «лекционный курс «Хозяйство и общество (позитивная критика материалистического понимания истории)» — 1 час в неделю, по понедельникам с 18 до 19 часов, ауд. 22; социологический коллоквиум (с выпускниками) — 1 час в неделю, в соответствии с предварительной записью и договоренностью, ауд. 22» [4, S. 10].

В выборе тематики лекций Вебер был свободен. Разумеется, следовало учитывать специфику юридического факультета и экономико-политическую ориентацию своей секции. Вдова Вебера писала в своих воспоминаниях (1926), что в Вене им читались лекции по социологии религии, и она сама присутствовала на некоторых [7, S. 617].

Отметим важные обстоятельства. Во-первых, Вебер озаглавил свой лекционный курс «Хозяйство и общество», а не «Социология религий». Курс имел весьма обязывающий подзаголовок «Позитивная критика материалистического понимания истории». Понятно, что даже самый глубокий социологический анализ всех религий не стал бы адекватным ответом и соответствием этому подзаголовку. Во-вторых, именно в те годы Вебер создавал свой фундаментальный труд «Хозяйство и общество», где социология религий занимала очень скромное место. Без анализа роли такого мощного идеологического фактора, каким являются религии, обойтись невозможно, да и сама тематика была отмечена новизной, причем приоритет, безусловно, принадлежал Веберу. По-видимому, в курс составной частью входили проблемы социологии религий, но не были ключевыми. В-третьих, Вебер обладал солидным опытом преподавания национал-экономики. Как можно судить по программе «Основания общей (теоретической) национал-экономики», он выходил далеко за пределы собственно национал-экономики, связывая историю и современность, сравнивая концепции традиционной национал-экономики и ее новейшие версии. В программе (§ 15)

есть глава «Теоретические основы научного социализма» [4, S. 20] с обстоятельным списком литературы: «Коммунистический манифест», «Нищета философии», три тома «Капитала» в издании 1864—1894 гг., «Анти-Дюринг», а также «Эрфуртская программа» Каутского и «История социализма» Бернштейна. Перечень, рекомендованный студентам, позволяет сделать вывод о том, что познания Вебера в области научного социализма намного превосходили проблематику социологии религий. А знание роли экономики и культурно-исторических факторов в общественном развитии служило основанием для «позитивной критики материалистического понимания истории».

Лекционный курс «Хозяйство и общество» в Вене, как и программа курса в Гейдельберге (1898) по национал-экономии, опровергают существующий в зарубежной и отечественной литературе тезис о слабой осведомленности Вебера в трудах основоположников марксизма. Об этом свидетельствует и речь «Социализм», с которой Вебер выступил в Вене перед офицерским корпусом. Сам Вебер бегло упоминает о ней. Текст полтора часовой речи был вскоре опубликован. Она стала «расколдованием от чар социализма» и анализом современности. Победа революции в России в октябре 1917 г. породила мощную пропагандистскую волну, представлявшую социализм близким светлым будущим. Жестко и отрезвляюще Вебер говорил об утопичности марксистского социализма, который не в состоянии ответить на вызов нового века.

Наступила новая эпоха, и Вебер перечисляет ее характеристики, опровергающие прогнозы социалистов марксистского толка. Он приводит ссылки на разные издания «Манифеста коммунистической партии», «Нищету философии» и противопоставляет им конкретные реалии. В то же время Вебер подчеркивал, что основоположники марксистского учения, «люди честные и страстные, и не помышляли, что их задача — показать, как нужно действовать практически» [8, S. 18].

Австрийская национал-экономика и юриспруденция имели мировую славу. Венский университет хранил память о блестящих и новаторских лекциях юристов Унгера, Иеринга, экономистов Менгера, фон Штайна. Работа на одном факультете с виднейшими учеными — юристами Кельзенем и Менцелем, экономистами фон Мизесем и Зигхартом — стала для Вебера весьма плодотворной.

Экономические и правовые теории послужили прочной основой для возникающей в Австрии социологии. Лоренц фон Штайн (1815—1890), почетный доктор Московского и Петербургского университетов, не только основоположник современной социологии и стоит в одном ряду с Марксом, но порой рассматривается как его предтеча. Такую точку зрения можно найти в трудах В. Зомбарта и Т. Гайгера. Сравнение фон Штайна и Маркса вполне корректно, поскольку их объединяют общие философские начала, сфера исследования и научных интересов, вплоть до «Обстоятельств времени и места». Возможно, такое сравнение более правомерно, чем сравнение Маркса и Вебера, поскольку Вебер, уважительно относясь к Марксу, шел своим путем, строя свою экономико-социологическую теорию.

В Вене Вебер почувствовал себя обновленным. Он часто встречается с друзьями, которые ему кажутся более открытыми и общительными, чем коллеги в Берлине и Гейдельберге. Он свободен в выборе тематики своих лекций, но оборотной стороной свободы была ответственность. Вебер серьезно готовился к каждому выступлению. Его открытые лекции собирают огромное число слушателей, треть которых — коллеги, политики, высшие чиновники. Вездесущие журналисты не преминули отметить успех Вебера, хотя ядовито прошли по его манере чтения, усмотрев налет театральности. Вот газетный комментарий, представляющий Вебера в аудитории: «Высокого роста, с бородой, этот ученый походит на немецкого каменотеса эпохи Возрождения. Но в его глазах нет непосредственности и радости художника. Взгляд исходит из самых глубин и устремляется куда-то вдаль. Внешности соответствует и манера держаться...» [Цит. по: 7, S. 619].

Официальный перечень публичных лекций рисует необременительную жизнь приглашенного профессора: только два часа в неделю он выступает в университетской аудитории [4, S. 10]. Однако письма Вебера в Германию говорят о другом: об изматывающем режиме лекций и дискуссий, об отравляющих жизнь коллоквиумах, которые негативно влияют на состояние здоровья [7, S. 621]. Часами Вебер просиживает в библиотеке, работая над своим фундаментальным трудом, название которого совпадало с лекционным курсом — «Хозяйство и общество».

В Вене, несмотря на трудности военной поры, Вебер чувствует себя «идеально», как он выражается. Впервые за последние годы. «Город чарующе прекрасен в своем весеннем

убранстве. Мне здесь очень хорошо», — говорится в письме от 14 апреля 1918 г. [7, S. 621]. Наслаждается тишиной, покоем и признает, что такое возможно лишь в Вене.

Казалось, Вебер намеренно уклонялся от любых столкновений с реальностью. Брожение в студенческой среде беспокоило руководство университета. Сенат не раз обсуждал политическую активность студентов, угрожающую хрупкому покою города [9]. Учащиеся, принадлежавшие к социалистическим, националистическим и иным объединениям, неоднократно обращались к Веберу с различными вопросами, однако он всячески старался уйти от ответов. Вероятно, Вебер помнил о неудачном общении со студентами социалистической ориентации в Гейдельберге. Дело в том, что его жесткая, полная скепсиса картина мира кардинально расходилась с эклектической утопией, которую рисовали себе студенты.

Однако за внешней умиротворенностью скрывалось пристальное, напряженное внимание к событиям в мире. Вебер тяжело переживал провал наступления в Италии, его тревожили революционные выступления по всей Европе. Впрочем, это не может поколебать его уверенности в том, что «как бы ужасно ни было наше время — все-таки это великое время» [7, S. 622].

Здоровье Вебера начинает ухудшаться. Несмотря на уговоры университетского руководства, на приглашения из других стран, Вебер решает вернуться в Гейдельберг, навстречу неотвратимой катастрофе — военному поражению Германии.

«Интермеццо», — так Марианна Вебер назвала краткое пребывание мужа в Вене. «Приключение», — скажет она позднее [7, S. 622]. Жизнь в Вене стала для Вебера паузой, наполненной творчеством, теплотой дружеских отношений, вновь обретенной гармонией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kraus W.* Kultur und Macht. Wien, 1975.
2. *Bernstein E.* Die Internationale der Arbeiterklasse und der europäische Krieg // Krieg und Wirtschaft Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. 40. 1915.
3. Übersicht der akademischen Behörden, Professoren, Privatdozenten, Lehrer, Beamten usw. an der Universität zu Wien für das Studienjahr 1917—1918. Wien, 1917.
4. *Weber M.* Grundriss zu den Vorlesungen über allgemeine (theoretische) Nationalökonomie (1898). Tübingen, 1990.
5. Archiv der Universität Wien. R 57. N 7.
6. Öffentliche Vorlesungen an der Universität zu Wien im Sommer-Semester 1918. Wien, 1918.
7. *Weber M.* Max Weber. Ein Lebensbild. Tübingen, 1926.
8. *Weber M.* Der Sozialismus. Wien, 1918.
9. Einreichungsprotokoll für das Jahr 1918.